

Вячеслав Вольф

Сейф

Суета и паника – худшие враги судоводителя, хотя история, о которой поведаю ниже, произошла не в океане, а исключительно в мирной обстановке у причала. В милом и любимом порту Лас-Пальмас на Гран-Канарии. Год, так помнится, двухтысячный или две тысячи первый. Закончился очередной годовой рейс. Вспоминать через двадцать лет продолжительность тех рейсов просто дико. Многие одесские рыбаки прошли через те экстремальные сроки.

Итак, промысловый рейс окончен. Зашли благополучно в порт, расставили штурманов на суточные вахты, и я начал физически ощущать, как с моих старпомовских плеч спадают заботы одна за другой. Вот приехала рембригада для предстоящего ремонта. Благополучно расселили ее в свободные каюты и на диваны к основному экипажу. За два дня я успел подготовить заявки моему коллеге и другу, который прилетал мне на подмену. Повалялся на пляже Кантерас, что-то полезное купил в Английском универсаме. И при этом настроение было не то что хорошее, а скорее какое-то елейно-благостное. Все ссоры и стычки за долгий рейс начали растворяться в этом настроении. Мысли о доме и родных постепенно занимали место ежедневной рейсовой нервотрепки. Наступил последний вечер перед подменой и отлетом домой. Днем с технологом пили пиво в ресторанчике на причале. Ближе к вечеру градус приподняли. Но все в разумных пределах. То есть состояние такого «легкого приятного давления», как сформулировано у нашего одесского классика.

Теперь небольшая преамбула. У старпома в каюте есть сейф: на фиг он там нужен, мне было всегда непонятно. В море в нем обычно хранился воздух из последнего порта. В порту же, когда

на борту много постороннего незнакомого народа (рембригада, чьи-то приятели с других судов и т. д.), я всегда храню в нем личные документы и выданную в наличке (тогда еще это практиковалось) рейсовую зарплату. Заодно с просьбой поработать банковским клерком обращаются некоторые моряки. В тот вечер у меня в сейфе лежало что-то около тридцати пяти – сорока тысяч долларов. И вот из-за этого, из-за моей оплошности, а также некоторых конструктивных особенностей судна я имел на редкость веселую ночь.

Стою я на верхней площадке парадного трапа и веду приятную болтовню на разнообразные темы с окружающими моряками. Верчу на указательном пальце правой руки кольцо с ключами от каюты и каютного сейфа. И дожонглировался – ключи соскочили и упали на площадку трапа. Если бы такое случилось на траулере немецкой постройки, этого рассказа бы не было. Там верхние площадки трапов сплошные. Наши же родные николаевские корабелы сделали на этом судне площадки трапов из решетчатого профиля. Ключи благополучно провалились сквозь решетку и тихонько булькнули вниз. Коррида началась. Судовое время – двадцать один ноль пять. Завтра утром приезжает новый экипаж, будет передача дел и отъезд в аэропорт. Времени достать из сейфа чужие и свои деньги – это до утра.

Что я первое сделал – конечно, хорошенько проматерился на себя родного и свои цирковые привычки. Также подумал, что надо завести какой-нибудь брелок из плавучего материала. В общем-то, ничего страшного не произошло: у старшего помощника хранятся ключи от всех судовых помещений, да еще и в двойном количестве.

Пошел в каюту. Конечно, в специальном шкафу для ключей, где меня ждали четыреста с лишним ключей от всех судовых помещений, порядок был относительным. Что-то висело не под своим номером. Ключ от своей каюты я нашел сразу – он был на месте. Но второй ключ от сейфа никогда мною не использовался, и поэтому где он мог быть, я не знал. Поиски осложнились еще и тем, что на всех ключах был выбиты номера, а ключ от сейфа, сука такая, номера на себе не имел. И самое главное, он был примерно такого же размера и формы, что и основные ключи.

Ну что ж, сначала я попробовал положиться на удачу и начал перебирать левую сторону шкафа. Судовое время – двадцать три восемнадцать. Как-то постепенно мне в голову заползла мысль, что второго ключа может и не быть вовсе. Предшественник мне его отдельно от других ключей не передавал. Из этого автоматически вытекает, что сейф надо вскрыть. Кстати, такой случай уже был, и на этом же судне.

В 1996 году стояли мы под долгим арестом в Намибии. Я был вторым штурманом, а третьим штурманом был Толик Слободян, тот еще Кулибин. И вот как-то в травле на мостике разговорились о том, что куда-то запропастились радиоактивные элементы для приборов дозиметрии. Приборы эти стояли у нас на мостике как наследие тотального советского милитаризма. Я высказал мысль, что они могут находиться в сейфе шифровальщика (из той же милитаристической оперы), стоявшем в каюте третьего штурмана. Ключи от этого сейфа, кстати, с четырьмя внутренними ячейками, пропали еще год назад. Все посмеялись, Толик же воспринял мои слова серьезно. Через пару дней он поднялся на мостик с максимально торжествующим видом и сообщил, что открыл сейф и все четыре ячейки сам. Причем какими-то прибрдами из канцелярских скрепок. Радиоактивных элементов от прибора КДГ-1 он не нашел и сказал, что теперь может спать спокойно. А то после моих слов про радиацию ему постоянно снился город Хиросима.

В данный момент Толика мне в помощь в нашем экипаже не было. Но зато можно было приспособить моих корешей из рембригады. Они могли вскрыть что угодно, правда, не так деликатно, как Толик. Время судовое час двенадцать. Спускаюсь на нижнюю палубу в носовую четырехместную каюту. Деликатно стучу. Изнутри так же деликатно, чтобы не разбудить соседей, слышен звук чокающихся стаканов. Вхожу.

– Валера, доброй ночи. Выручай!

В ответ Валера молча наливает рюмку чего-то вкусного. Выпиваю чисто автоматически и вываливаю суть проблемы. Хотя ребятам завтра на работу, морское братство еще никто не отменял.

– Чиф, не переживай, сейчас мы его (в смысле сейф), как врага народа, исполним!

Обещают сейчас же взять инструмент и подняться ко мне на место происшествия. Пока мы с Валерой выпиваем еще, помощник уходит за инструментом.

Судовое время два тридцать. Сижу уже в своей каюте, жду спасателей. Слышу – движутся: оно вообще хорошо слышно, когда ночью по спящему судну идут в тяжелых ботинках, матерясь и, судя по всему, волоча что-то тяжелое, два слесаря-ремонтника.

Судовое время два тридцать три. Заходят. Я-то думал, что они возьмут какие-то ломики или гаечные ключи, но ребята оказались настоящими радикалами-экстремистами. У старшего в руках была огромная болгарка, углошлифовальная машина. В нее был вставлен диск размером с автомобильное колесо радиусом шестнадцать. Все это напоминало разобранный пилорама, на которой пилили столетние канадские кедры. Тут я понял, что сейчас будет, и попытался возразить. Но было поздно. Эти «лесорубы» начали пилить сейф в области петель. Судовое время – три часа ночи.

Сколько это было децибел, сказать трудно. Еще раз: три часа ночи, полная тишина на спящем судне – и тут гигантской болгаркой начинают пилить металлическое изделие, в общем-то, в пустой металлической коробке, коей и является, по большому счету, судно.

Первыми проснулись, конечно, соседи в каютах справа и слева. Очень экспрессивно, надо сказать, отреагировали, что неудивительно. Мои объяснения никого не удовлетворили, коллеги почему-то возомнили, что я решил распилить сейф ночью из вредности. Это, конечно, шутка. Через некоторое время мою безвыходную ситуацию соседи поняли. Затем позвонил капитан – и тоже понял. До утра все проснулись и все поняли. Судовое время – шесть пятнадцать. Петли отпилены. Я достаю конверты с деньгами и свои документы. Вся каюта засыпана металлической пылью. В том числе новые джинсы и рубашка, в которых я собирался эффектно появиться дома. Последний день Помпеи, короче.

Пока я приходил в себя, ребята куда-то потащили остатки сейфа. Не успел я подумать куда, как сразу услышал и понял. С этого дня в сейфе будет жить рыбы. Хотя петли можно было приварить

на место. Ладно, помер Максим – да и хер с ним. Проблема решена. Сложность преодолена. Умение решать внезапно возникшие проблемы в поставленный отрезок времени – отличительная черта хорошего штурмана.

Второй ключ от сейфа я нашел случайно через пятнадцать минут в ящике письменного стола.

